

Иван КОСТИН

г. Петрозаводск

СЛОВО О ПУШКИНЕ

ВСЕГДА С НАМИ

Пушкин – поэт нашей повседневности. Он с нами на разных этапах жизни, в часы светлой радости и в минуты грусти. Он вошел в наш язык, сделал его более гибким, живым и богатым. Его творчество оказало на всю нашу культуру такое органичное воздействие, что мы словно и не замечаем его присутствия, как воздух, которым дышим.

В 1947 году мы, группа деревенских подростков, приехали в Сегежу поступать в ремесленное училище. И когда все шестером – были мы из одной деревни – вошли в канцелярию, заместитель директора Дмитрий Толстых поприветствовал нас: «Здравствуй, племя младое, незнакомое». Он, наверно, знал, чьи строки цитирует, а вот нам еще предстояло их разгадывать и постигать.

В мою жизнь и в мое сознание творчество Пушкина вошло неожиданно и при обстоятельствах сугубо прозаических. В училище на всех нас не хватало комплектов постельных принадлежностей. Если кому-то досталось одеяло, значит, не было подушки. В такую ситуацию попал и я. Пришлось положить в изголовье самую толстую книгу из библиотеки. Оказалось, что это был том Пушкина. Как сейчас помню, – книга большого

формата синеватого цвета. Спать на ней было неудобно, и я стал перечитывать стихи. Впрочем, «перечитывать» – сказано слишком сильно. Я знал тогда только отдельные строки из школьной программы моего пятиклассного обучения. А тут так разошелся, что полностью прочитал «Евгения Онегина». Многие в этом произведении были для меня непонятным, но я утонул в чарующих звуках пушкинских строк.

На следующий день мне дали подушку. Но сдавать книгу я не спешил. Прочитал роман несколько раз, выучил его наизусть. С возрастом память слабеет, но еще и сегодня я готов прочесть на память хотя бы несколько глав.

В связи с этим припоминается такой случай. В начале 60-х годов меня пригласили на телевидение. Один из тогдашних редакторов, страстный почитатель пушкинского творчества, ходил по студии и пытал своих сотрудников, откуда такие строки: «Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит?» Спросил и меня. Подхватив эту строку, я дочитал до конца главу «Онегина». Так за счет Пушкина я чуть-чуть повысил свой авторитет в глазах редактора.

Но не будем опережать события. Памятен и такой случай. В ремонтно-механическом цехе Сегежско-

го бумкомбината, куда я был направлен на работу после окончания училища, наш технолог Галина Аркадьевна, решая какую-то техническую проблему, невольно воскликнула: «Рассудок мой изнемогает!» Знала ли она, что цитирует Пушкина? Знал ли об этом и лейтенант Алексей Кучмиев, командир нашего взвода, произнося фразу: «Он весь в сраженьях изувечен», рассказывая о командире батальона, Герое Советского Союза?

Пушкин – поэт повседневности еще и потому, что многие из нас к нему обращаются постоянно. В детстве нас чаруют его волшебные сказки. В юности мы без конца готовы цитировать оду «Вольность» или его лирические шедевры, когда таким чистым и возвышенным языком хочется разговаривать и объясняться с любимой: «И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может».

В зрелые годы мы восхищаемся мастерством Пушкина, удивляемся точности его слова и гармоничности произведения: «Порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь...»

В почтенном возрасте мы невольно удивляемся пушкинской мудрости. Он так глубоко сумел проникнуть в природу души человеческой и жизненных явлений, как свойственно лишь гению. Читаешь те или иные его страницы и удивляешься тому, что написаны они не старцем, умудренным жизнью, а в ряде случаев совсем молодым человеком! Пушкинист Иван Бурсов высказал мысль, что к 35 годам Пушкин утратил очертания возраста и стал творцом. И в самом деле, разве важно для нас, когда были написаны Пушкиным такие строки:

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано до звезды,
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя –
Но потерял я только время...*

Один мой литературный приятель считает лучшим пушкинским стихотворением «Пророк». Разве я осмелюсь на это что-либо возразить? Но если кто-либо из друзей станет меня убеждать, что не знает ничего совершеннее «Я помню чудное мгновенье», я и с этим могу легко согласиться. Но сам назвать какое-либо одно, самое любимое, из стихотворений Пушкина не решаюсь. Пушкин для меня поэт повседневный. А это значит, что сегодня я без ума от «Дорожных жалоб», а завтра буду восторгаться энергией слова и движением мысли «Дели-баша», как нынче не покидает меня светло-грустная интонация элегии «Безумных лет угасшее веселье».

У каждого из нас, кто беззаветно любит поэзию, а если говорить шире – жизнь во всех ее проявлениях, и стремится осмыслить природу ее радостей и печалей, смешного и трагического, в душе – свой Пушкин, надежный спутник на всю жизнь.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Трижды – в 1830, 1833 и 1834 годах – А.С.Пушкин приезжал в Болдино, в имение своего отца в Нижегородской области. Каждый раз его заставляла здесь предпринять пора, когда он особенно находился на творческом подъеме, испытывал поэтическое вдохновение. Несуетность деревенской жизни, полное отсутствие светского общения, новые впечатления действительности – все это подлежало осмыслению и выливалось в стихи, прозу, документальные исследования.

Нас не перестает удивлять количество произведений, созданных Пушкиным в первую болдинскую осень. Об этом мы можем узнать из писем самого Пушкина своему другу Плетневу:

«Вот что я привез сюда: 2 последние главы «Онегина», 8 и 9-ю совсем готовые в печать. Повесть, написанную октавами (стихов 400), которую выдам Анопите. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы» и «Дон Жуан». Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное). Написал я прозой 5 повестей».

В этот список надо зачислить «Сказку о попе и о работнике его Балде», неоконченную «Историю села Горюхина», более двадцати критических и полемических статей и заметок.

1833 год добавил в этот список стихотворение «Осень» («Октябрь уж наступил...»), переводы из А.Мицкевича, поэмы «Анджело» и «Медный всадник», «Сказку о рыбаке и рыбке», «Сказку о мертвой царевне и семи богатырях», «Историю Пугачева».

Менее плодотворна была осень 1834 года. Написана лишь сказка «О золотом петушке».

Одно из самых замечательных стихотворений болдинского периода в творчестве Пушкина «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» является предтечей некрасовского реализма. Понять это несложно, стоит лишь повнимательнее вникнуть в смысл каждой строки сельского быта, изображенного Пушкиным:

*Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой.
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,*

*Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борей.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он: несет под мышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
... Что ж ты нахмурился? –*

Нельзя ли блажь оставить!

И песенкою нас веселой позабавить.

.....

*– Куда же ты? – В Москву, чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.*

– Постой, а карантин!

Ведь в нашей стороне индейская зараза.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа,

Бывало, сиживал покорный твой слуга.

Что, брат, уж не трунишь, тоска берет – ага!

Характерно, что в эти же дни Пушкин так размышляет о критике: «Критика вообще. Критика наука. Критика – наука открывать красоты и недостатки в произведениях искусства и литературы.

Она основана на совершенном знании правил, коими руководствуется художник или писатель в своих произведениях, на глубоком изучении образцов и на деятельном наблюдении современных замечательных явлений.

Не говорю о беспристрастии – кто в критике руководствуется чем бы то ни было, кроме чистой любви к искусству, тот уже нисходит в толпу, рабски управляемую низкими, корыстными побуждениями.

Где нет любви к искусству, там нет и критики. «Хотите ли быть знатоком в художествах? – говорит Винкельман. – Старайтесь полюбить художника, ищите красот в его созданиях».

...У одного из наших известных писателей спрашивали, зачем он не возражал никогда на критику. Критики не понимают меня, отвечал он, а я не понимаю моих критиков. Если будем судиться перед публикой, вероятно, и она нас не поймет».

9 сентября 1830 г. П.А. Плетневу из Болдина:

«Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Петр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на этом собаку съел. Теперь мрачные мысли мои порассеялись; приехал я в деревню и отдыхаю. Около меня колера морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит он в Болдино да всех нас перекусает – того и гляди, к дяде Василью отправлюсь, а ты и пиши мою биографию. Бедный дядя Василий! Знаешь ли его последние слова? Приезжаю к нему, нахожу его в забытии, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав, сказал: «Как скучны статьи Катенина!» – и более ни слова. Каково? Вот что значит умереть честным воином на щите, с боевым кличем на устах. Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуще цензора Щеглова, язык и руки связаны... Сегодня от своей я получил премиленькое письмо; обещает выдти за меня без приданого. Приданое не уйдет. Зовет меня в Москву – я приеду не прежде месяца, а оттоле к тебе, моя радость. Что делает Дельвиг, видишь ли ты его? Скажи ему, пожалуйста, чтоб он мне припас денег; деньгами нечего шутить; деньги вещь важная – спроси – у Канкринина и у Булгарина.

Ах, мой милый! Что за прелесть здешняя деревня! Вообрази, степь да степь; соседей ни души, ездить верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов».

Я привел это письмо Пушкина своему другу-издателю целиком, чтобы показать, как Пушкин, смирившись со своей участью загнанного холерой в карантин на неопределенное время, малопомалу успокоился, обрел равновесие души и духа и начинает творить. Потому он и говорит, что наготовит для журнальных публикаций всякой всячины. И это творческое предчувствие, как мы уже знаем, поэта не обмануло.

Но представьте себе серую и сырую осень в небольшом захолустном Болдине. Старый потемневший барский дом с черным двором и службами. Был он обнесен мелким дубовым частоколом. Вокруг дома пустырь: ни цветников, ни сада; вблизи только небольшой пруд да с полдюжата небольших деревьев, из которых до наших дней сохранился лишь могучий вяз. За усадьбою – вотчинная контора, напротив нее – церковь. Из окон дома открывался унылый вид на соломенные крыши крестьянских изб.

Однако и этот унылый пейзаж вдохновляет Пушкина на гениальные строки. Именно здесь он написал одно из самых лучших стихотворений «Дорожные жалобы»:

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,
На камнях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранном мостом.
Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.
Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.*

*Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?*

*То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!
То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..*

А жаловаться Пушкину приходилось в это время не только на дорожные неурядицы. «Очарован и огончарован», по его собственному выражению, своей невестой Натальей Николаевной, он находился в ссоре с ее матерью, женщиной своенравной и религиозно-фанатичной, из-за постоянных капризов которой свадьба поэта могла быть расстроена. Об этом мы узнаем из письма Пушкина своей невесте из Болдина: «Я не знаю, что меня ждет в будущем. Если ваша матушка решила расторгнуть нашу помолвку, а вы решили повиниться ей, – я подпишусь под всеми предложениями, какие ей угодно будет выставить, даже если они будут так же основательны, как

сцена, устроенная ею мне вчера, и как оскорбления, которыми ей угодно меня осыпать.

Быть может, она права, а неправ был я, на мгновение поверив, что счастье создано для меня. Во всяком случае, вы совершенно свободны; что же касается меня, то заверяю вас честным словом, что буду принадлежать только вам или никогда не женюсь».

Но даже на фоне мрачной осенней поры и не менее мрачных настроений личного характера Пушкин пишет «сколько вздумается» – страстно и вдохновенно, ночи напролет. Трудно даже представить, как мог поэт так много создать в эти три осенних месяца, как велик и значителен был литературный урожай этой болдинской осени. И вот еще одно его личное признание и оценка своего труда в письме к своему другу, редактору альманаха «Северные цветы» А. Дельвигу: «Посылаю тебе, барон, вассальную мою подать, именуемую цветочною по той причине, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми воинами, то есть бурлаками, то в замке твоим «Литературной газете», песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть... Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание...»

И чтобы наглядно представить эту титаническую работу Пушкина во славу русской словесности, обратимся к хронологии. 9 сентября поэт завершил первую повесть «покойного Ивана Петровича Белкина» – «Гробовщик», 14 – вторую, «Станционный смотритель», 20 – третью, «Барышня-крестьянка», 25 – девятую главу «Евгения Онегина», позже ставшую восьмой...

Временами длительное нахождение в глуши становилось невмочь Пушкину. Однажды, прервав работу, он отправился в соседнее имение Голлицыных, чтобы разузнать, нельзя ли как-нибудь миновать карантин и прорваться в Москву. Но там выяснилось, что холера докатилась уже до самой Москвы, и ему ничего иного не оставалось, как вернуться обратно в Болдино и засесть за письменный стол. 5-10 октября он пишет повесть октавами в 400 строк «Домик в Коломне». За два дня – 12 и 14 – написан рассказ «Выстрел». 20 октября – «Метель», 23-го – «Скупой рыцарь», 26 – «Моцарт и Сальери». Через два дня написано «Путешествие Онегина».

На последней странице повести «История села Горюхина» Пушкин поставил дату окончания ее – 1 ноября. Через три дня завершает «Каменного гостя», 6 ноября – «Пир во время чумы». Делает

новую попытку прорваться в Москву и доезжает до небольшой почтовой станции во Владимирской губернии, в двадцати трех верстах от Мурома. Но и здесь была холерная застава, и его дальше не пустили. Через Лукоянов он возвращается в Болдино. И снова творит. В промежутках между вещами более крупными – повестями и маленькими трагедиями – пишет стихи. Как он сообщал Плетневу, им было написано около 30 «мелких стихотворений». Странно это звучит в устах самого Пушкина. В каждом из них заключено огромное содержание. Взять хотя бы вот это:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней –
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.
Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.*

В ту первую болдинскую осень Пушкин прощался не только с друзьями и увлечениями легкой своей юности. Он прощался и с «Онегиным», начатым еще в 1823 году в Кишиневе. Закончил он его в Болдине 25 сентября 1830 года. И примерно в это же время сжигает 10 главу. Не будем вдаваться в мотивы этого шага, лишь напомним, что Пушкин, прежде чем решиться на роковой поступок, зашифровал эту сожженную главу, и, как утверждают пушкиноведы, через 80 лет редактору сочинений Пушкина П. О. Морозову удалось проникнуть в тайные мысли, владевшие поэтом в ту болдинскую осень, и отыскать «концы стихов и верность выраженья» зашифрованных строф и разобраться в них, чтобы снова связать между собой и придать им первоначальную стройность и поэтический блеск. Пушкин сам считал это произведение самым задушевным и самым близким его сердцу. Это подтверждается и личным его признанием в письме А. Бестужеву: «Все-таки «Онегин» лучшее мое произведение». Даже недоброжелатели Пушкина, за редкими исключениями, оценивали этот роман по достоинству, но лучшую и самую верную оценку дал В. Г. Белинский: «Его «Онегин» – есть поэма современной действительной жизни не только со всею ее поэзией, но и со всею ее про-

зой, несмотря на то, что написана она стихами... «Евгений Онегин» есть поэма историческая в полном смысле слова, хотя в числе ее героев нет ни одного исторического лица... В ней Пушкин является не только поэтом, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания: заслуга безмерная!»

Пушкин очень любил свою невесту-красавицу. Но никто, кажется, из пушкиноведов напрямую не связывал особый подъем его творческого духа той первой болдинской осени с постоянными думами о своей «Мадонне», о предстоящей женитьбе, которая, как уже было сказано, омрачалась различными житейскими обстоятельствами. Он пишет ей несколько писем в октябре 1830 года на французском языке, которым и Наталья Николаевна владела в совершенстве. Вот небольшой отрывок из одного из них: «Въезд в Москву запрещен, и вот я заперт в Болдине. Во имя неба, дорогая Наталья Николаевна, напишите мне, несмотря на то, что вам этого не хочется. Скажите мне, где вы? Уехали ли вы из Москвы? нет ли окольного пути, который привел бы меня к вашим ногам? Я совершенно пал духом и, право, не знаю, что предпринять. Ясно, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать... Пришлите же мне ваш адрес и сведения о вашем здоровье. Что до нас, то мы оцеплены карантинами... Погода ужасная. Я провожу время в том, что мараю бумагу и злюсь... Целую кончики ваших крыльев, как говаривал Вольтер людям, которые вас не стоили».

Странно, что, грустя о своей невесте и ежечасно думая о встрече с ней, Пушкин напрямую не посвящает ей ни одного стихотворения. Но странно это только на первый взгляд. Ведь если он писал «Для берегов отчизны дальней», прощаясь памятью со своим одесским увлечением Амалией Ризнич, то тем самым еще больше утверждался в любви к Наталье Николаевне и, несомненно, в эти минуты думал только о ней. А разве последние строки в стихотворении «Безумных лет увядшее веселье»: «И, может быть, – на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной», – не связаны с думой о любви к своей невесте? И следы этого светлого и большого чувства мы, при желании, сможем отыскать в любом болдинском творении великого поэта.

Пушкин делает третью попытку прорваться в Москву в конце ноября. Доехал до станции Платава, что находилась в семидесяти одной версте от Москвы. И хотя здесь карантин еще действовал, но все же с большими трудностями разрешение следовать до Москвы было получено. Можно

представить, с какими чувствами въезжал Пушкин в город, который так любил и где ждала его невеста. Думал ли он в те дни, что совершил великий литературный подвиг? Во всяком случае, цену написанного им в Болдине он знал.

А вот что в это время происходило в Петербурге. 11 ноября канцелярия петербургского обер-полицмейстера сообщила в петербургское губернское правление, что, по сведениям управы благочиния, Пушкина в Петербурге нет. Так полиция, следившая за Пушкиным, потеряла на время его следы. Запросили тифлисское начальство, не появлялся ли Пушкин снова в Тифлисе. Но тифлисский полицмейстер донес экспедиции верховного грузинского правительства, что «чиновника Александра Пушкина в Тифлисе на жительстве нет». И только 11 декабря московский полицмейстер рапортовал московскому обер-полицмейстеру: «Секретно. 9 числа сего декабря прибыл из г. Лукоянова отставной чиновник 10 класса Александр Пушкин и остановился в Тверской части 1 квартала в гостинице «Англия», за коим надлежащий надзор учрежден».

Так завершилась болдинская осень Пушкина, но для официально-казенных департаментов он все еще оставался чиновником 10 класса, за которым нужен глаз да глаз.

СЧИТАЛИ ЛИ ПУШКИНА ВЕЛИКИМ ПРИ ЖИЗНИ?

На этот вопрос лучше всего ответят документальные свидетельства тех лет.

15-летний Дельвиг угадал в стихах своего лицейского друга гениальное дарование и написал такие строки о нем: «Пушкин, он и в лесах не укроется. Муза выдаст его громким пением и от смертного отличит бессмертного».

Как известно всем со школьных лет, «старик Державин» был поражен: как мог 15-летний мальчик создать такое совершенное по форме и глубокое по содержанию стихотворение, слушая на лицейском публичном экзамене его «Воспоминания о Царском Селе». А вскоре после этого он скажет С. Аксакову, приехавшему к нему в гости: «Нового ничего не пишу. Мое время прошло. Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин, который уже в лицее переощеголял всех писателей».

Державин ошибся в одном: юный питомец муз не стал «вторым Державиным». Он стал Пушкиным – первым поэтом России.

Один из самых талантливых и известных поэтов того времени П. Вяземский писал своему собра-

ту К. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо, и все тут. Его «Воспоминания» вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражениях, какая твердая кисть в картинах! Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит, каналья». А что на это мог сказать Батюшков, кроме слов: «О, как стал писать этот злодей! Он мучит меня своим талантом, как привидение».

После лицея жизнь Пушкина закрутила, и вскоре он окажется в южной ссылке в Кишиневе, а потом в Одессе на службе в канцелярии наместника Тавриды графа М.Воронцова. Пушкин фактически не служил, а числился на службе. Свое призвание он видел в другом: «Семь лет я службою не занимался: не писал ни одной бумаги, не был в сношении ни с одним начальником. Эти семь лет, как вам известно, вовсе для меня потеряны. Жалобы с моей стороны были бы не у места, я сам заградил себе путь и выбрал другую цель. Ради бога, не думайте, чтоб я смотрел на стихотворство с детским тщеславием рифмача: оно мое ремесло, отрасль частной промышленности. Мне скажут, что, получая 700 рублей, я обязан служить... Я принимаю эти 700 рублей не как жалованье, но как паек ссыльного невольника».

В другом письме из Одессы П. Вяземскому, жалуясь на Воронцова, пишет: «Он видит во мне коллежского секретаря, а я о себе думаю что-то другое».

А между тем его южные стихи и поэмы печатаются в столичных журналах, выходят отдельными изданиями. Слава его растет. Друзья сообщают: «Твои поэмы у всех на устах или на руках». Пушкин отшучивается: «Благодарю вас, друзья мои, за ваше милостивое попечение о моей славе. Русская слава льстить может какому-нибудь В. Козлову..., а человек немного порядочный... Пишу не для славы, а для себя, а печатаю ради денег».

В начале августа 1821 года Пушкину было велено покинуть Одессу и направиться в имение своей матери в Михайловское. Оттуда Пушкин жалуется П.Вяземскому на безысходность, а тот, желая духовно поддержать молодого гениального друга, пишет: «Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать. Потом три поэмы. Там отрывки из Онегина. А уж под конец полное собрание. Вот тебе и славная оброчная деревня. Тебе времени теперь много. Сделай милость для меня и для себя: займись этим...» А через некоторое время, видимо, получив из Михайловского новые стихи, П.Вяземский пишет А.Тургеневу: «Не только читал последние творения Пушкина, но с ума сошел от его стихов. Что за шельма!»

Посетившая Михайловское А.Керн чуть позже скажет: «Жизнь в Михайловском много содействовала развитию его гения». А другая женщина пушкинского круга А. Смирнова-Россет чуть позже заметит: «Никого не знала умнее Пушкина».

Опять же всем со школы известно, что эту же мысль высказал Николай I на балу французского посла одному из своих министров Блудову: «Знаете, что я нынче долго говорил с умнейшим человеком в России». И на недоуменный вопрос собеседника ответил: «С Пушкиным».

Перед отъездом в Сибирь к мужу-декабристу М.Раевской в Москве довелось еще раз встретить Пушкина в салоне своей невестки З.Волконской, которая по случаю ее отъезда пригласила итальянских певцов, чтобы дать для нее прощальный музыкальный вечер. «Подумайте, – говорила она, – ведь я больше никогда не услышу музыки! Пушкин, наш великий поэт, тоже был здесь...»

Все последующие годы Пушкин любил бывать в Москве. В сентябре 1832 года в сопровождении президента Академии наук С. Уварова (ставшего впоследствии министром просвещения) посетил Московский университет. Упомянув об этом посещении, студент И. Гончаров, будущий знаменитый писатель, скажет: «А вот поэт-гений, эта славная гордость России – передо мной в пяти шагах! Я не верил своим глазам... Мы жадно впились взорами в Пушкина... Не умею выразить, как велико было наслаждение видеть и слышать нашего кумира».

Дочь знаменитого полководца И.Кутузова Е.Хитрово, горячая поклонница таланта поэта, сделавшая ему немало полезных услуг, весьма осторожно отнеслась к его женитьбе на московской красавице Наталии Гончаровой. В письме своему кумиру она прямо писала: «Беспокоюсь за вас: меня беспокоит прозаическая сторона брака. Кроме того, я всегда считала, что гению придает силы лишь полная независимость...» В каком-то смысле она, к сожалению, оказалась права.

«Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался... Всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин... Наша радость, наша народная слава... К этой мысли нельзя привыкнуть!» – это из некролога «Литературных прибавлений». Написал его В. Одоевский. А издатель был объявлен выговор. «Боялись, но чего?» – записал в своем дневнике цензор В. Никитенко.

«Как странно! – писал Гоголь Плетневу из Москвы в Петербург. – Боже, как странно! Россия без Пушкина».

Двадцатидвухлетний корнет М.Лермонтов в те дни написал стихотворение «На смерть поэта». Оно в несколько дней распространилось по Петер-

бургу и потом по всей России. В нем он заклеил истинных убийц поэта: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, Свободы, Гения и Славы палачи!»

Мне представляется, что уже и этих примеров достаточно, чтобы понять, что Пушкин уже при жизни был великим поэтом, гением, и современники его высказывались об этом совершенно определенно.

ОТКУДА У ПУШКИНА ВОЗНИК ЗАМЫСЕЛ «СКУПОГО РЫЦАРЯ»?

Для тех, кто давно не перечитывал «Скупого рыцаря», и тех гипотетических читателей, которые впервые возьмут в руки это произведение А.С. Пушкина, напомним кратко его содержание.

В некотором герцогстве в период феодального средневековья, во времена рыцарских подвигов и турниров жил-был состарившийся барон, который стяжал под старость славу скупого рыцаря. Походы, смертельные поединки, душевные страсти – все для него осталось в прошлом. Накопив неизвестно каким путем несметные сокровища, он наслаждался их блеском в одиночестве в глубине подвала своего замка. Вот в чем была его истинная страсть. Она была сравнима с ожиданием свидания молодого повесы или славного полководца, готового выиграть трудную битву. Вот лишь несколько строк из монолога барона, склонившегося над своими сундуками:

*Я каждый раз, когда хочу сундук
Мой отпереть, впадаю в жар и трепет...
Вот мое блаженство!*

А в это время его сын Альбер собирается ехать на турнир, но обнаруживает, что шлем его куда не годится. «Насквозь пробит», – говорит ему слуга Иван.

У Альбера нет и подходящего платья, чтобы достойно сесть рядом с рыцарями-сверстниками за стол герцогского замка. Не будешь же каждый раз приходиться в латах, ссылаясь на то, что сию минуту возвратился с турнира...

«О бедность, бедность!» – восклицает он.

Отец поэта Сергей Львович был скуп необыкновенно. Правда, в отличие от барона, сокровищ накопить не смог, ибо был неважным помещиком, больше любил светские удовольствия. Однажды за обедом в Михайловском в один из дней появления там Александра Сергеевича после южной ссылки его брат Лев Сергеевич по неосторожности разбил рюмку. Отец от досады так разволно-

вался, что в течение минут десяти читал сыну наставление о бережливости, указывая на то, что бить и ломать куда легче, чем наживать. Старший сын пытался вступить за брата, заметив, что рюмка стоит всего лишь каких-то 15 копеек и не стоило бы из-за этого так волноваться.

– Нет, не 15, а 25! – с жаром возразил отец.

Из писем Пушкина мы знаем, в каком расстроенном состоянии было Болдинское имение, которое накануне свадьбы пришлось приводить в порядок Александру Сергеевичу, чтобы взять под него в банке закладную. А те деньги, которые управляющие присылали из Михайловского и Болдина, опять-таки Сергей Львович тратил не лучшим образом, забывая материально поддерживать сына, находившегося в ссылке вначале в Кишиневе, а затем в Одессе. Обратимся к самому авторитетному свидетелю – самому А.С. Пушкину. Вот строки из его письма брату Льву Сергеевичу из Одессы от 25.08.1823 года: «Объясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти, хотя знаю Закон Божий и первые правила – но служу и не по своей воле – и в отставку идти невозможно. Все меня обманывают – на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить – не хочу и полно. Крайность может довести до крайности. Мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию... хотя письма его очень любезны. Это напоминает мне Петербург – когда больной в осеннюю грязь или трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно брался за 80 копеек (которых, верно бы, ни ты, ни я не пожалели для слуг)».

А теперь вернемся к бедственному положению Альбера, который жалуется своему слуге:

*Вот до чего доводит
Отца родного скупость!..
Я весь дрожу...
Иван, однако ж деньги мне нужны...*

Альбер пытается отправить слугу за ростовщиком «проклятым»:

*Возьми его червонцы. Да сюда
Мне принеси чернильницу. Я плуту
Расписку дам. Да не вводи сюда
Иуду этого... Иль нет, постой,
Его червонцы будут пахнуть ядом,
Как сребреники пращуря его...
Я спрашивал вина.*

Иван:

*У нас вина –
Ни капли нет.*

Альбер:

*А то, что мне прислал
В подарок из Испании Ремон?*

Иван:

*Вечор я снес последнюю бутылку
Больному кузнецу.*

Альбер

*Да, помню, знаю...
Так дай воды. Проклятое житье!
Нет, решено – пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышь,
Рожденную в подполье.*

Юный повеса, сам делавший безрассудные долги, Лев Сергеевич уж никак бы не смог оказать на отца влияние, чтобы заставить его помогать старшему брату. Да и сам Александр Сергеевич скорее для облегчения души высказал в письме эти слова, полные обиды и горечи.

И если в Кишиневе добрейший генерал Инзов, зная о незavidном материальном положении Пушкина, предоставлял ему стол и кров и Пушкин принимал это с почтительной благодарностью и уважением, то в Одессе быть даже в малой зависимости материального характера от графа Воронцова не хотел. Его одесское житье, как известно, кончилось высылкой в имение родителей Михайловское под надзор местных властей. На лето в Михайловское приехала вся семья Пушкиных. К ним неожиданно присоединился и Александр.

Но встреча с родными принесла минутную радость. Отношения с отцом с первых же дней не сложились. Сергей Львович с укором встретил опального сына. А младшему запретил иметь с ним отношения. Поведение отца вызвало в душе поэта, не отличавшегося в молодые годы сдержанностью чувств, бурю противоречивых порывов. Объяснение с отцом по вине последнего у сына не состоялось, но Александр все же высказал ему ряд горьких сожалений и упреков. Поведение отца оказалось непредсказуемым. И Пушкин после отъезда родителей вынужден был обратиться с письмом за помощью к Жуковскому, чтобы тот защитил его в глазах света и правительства от ложных обвинений отца.

Не правда ли, ситуация напоминает сцену из «Ску-

пого рыцаря», когда Альбер, доведенный скупостью отца до отчаяния, вынужден обратиться за справедливостью к герцогу, чтобы тот заставил отца держать его «не как мышь, рожденную в подполье, а как сына».

И тут как раз самое время напомнить читателю о конфликте в Михайловском. Можно безошибочно предполагать, в чем обвинял отец сына в порыве гнева. И предположения эти подкрепляет сам Пушкин в письме к Жуковскому из Михайловского от 31 октября 1824 года: «...отец, испуганный моею ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь». И далее раскрывает сцену назревшего конфликта: «Посуди о моем положении. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу и прошу позволить объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знать (далее в письме текст на французском) с этим чудовищем, с этим сыном, поправшим законы природы! Жуковский, думай о моем положении и суди. Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю все, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить. Перед тобой не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем» (т. 1. «Друзья Пушкина», с. 338. 1984).

И далее приписка к письму. «Поспешите: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться – дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я вне закона».

Теперь сравним, как барон в присутствии герцога обвиняет сына Альбера в тех же «грехах», пытаясь его опорочить в глазах герцога, а стало быть, и всего двора и общества.

Барон:

*Государь, я не устал;
Но вы меня смутили.
Перед вами
Я б не хотел сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сыне
То, что желал от вас бы утаить.
Он, государь, к несчастью, недостоин
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Он молодость свою проводит в буйстве,
В пороках низких...*

Герцог допытывается, что же такое совершил его сын.

Барон:

Он...он меня хотел убить.

Герцог:

*Убить! Так я суду
Его предам, как черного злодея.*

И далее без каких-либо на то доказательств своего обвинения, не моргнув глазом барон говорит:

*Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждет
он моей,*

*Хоть знаю то, что
Покушался он
Меня...*

Так, ради неприкосновенности сокровищ барон готов оклеветать сына в тяжком грехе перед герцогом в попытке отцеубийства.

Вспомним фразу из письма А.С. Пушкина к брату Льву от 28 июля 1825 года: «... словом, мне нужны деньги, или удавиться».

И если Альбер вместо бутылки вина просит слугу подать ему хотя бы воды, то Пушкин просит брата Льва прислать все-таки вина и сыру, но едва ли опальный поэт дождался этого скромного дара. Да и откуда было брату взять деньги на вино и сыр, если он вечно ходил в долгах, а отец жалел дать ему 80 копеек на извозчика.

Герцогу так и не удалось разобраться в отношениях отца и сына. Находившийся в соседней комнате Альбер, не в силах вынести отвратительной клеветы отца, выбежал и остановился перед герцогом, обращаясь к отцу:

Барон, вы лжете.

Герцог, не ожидавший его появления, грозно спрашивает:

Как вы посмели?

Барон, возможно, и в самом деле уверовав в свою ложь, как оскорбленный отец, продолжает с той же убежденностью обвинять сына:

*Ты, ты мне смел!..
Я лгу! И перед нашим государем!
Мне, мне... или уж не рыцарь я.*

Альбер смело прерывает чудовищные обвинения и твердо в присутствии герцога заявляет ему:

Вы лжец!

И тут наступает развязка. Перед тем как упасть и умереть, барон инстинктивно пытается проверить, при нем ли находятся ключи от его сундуков

с сокровищами. И в ту же минуту падает, не сказав больше ни слова.

Глядя на эту трагическую сцену, герцог произносит фразу, ставшую на века афоризмом:

*Он умер, боже!
Ужасный век, ужасные сердца!*

У Пушкина в его личной драме конец, как известно, был более благополучным. Если герцог не успел разобраться в конфликте отца с сыном, то Жуковский, несомненно, использовал для этого все свое влияние, и прежде всего на отца своего гениального питомца. Во всяком случае, тема михайловского конфликта у Пушкина с отцом больше не возникала, хотя менее скупым Сергей Львович едва ли стал.

Жуковский добился того, что опальный поэт, оказавшийся, по словам отца, «неблагодарным и непочтительным» сыном, не был скомпрометирован в глазах света и нового царя. В противном случае еще долго не получил бы позволения приехать в столицу.

В длинные осенние вечера болдинской осени, когда в трубах завывал протяжный унылый ветер и о стекла рам бились желтые листья, бабочками летевшие на огонек свечи, Пушкину и припомнились те неприятные дни размолвок и прямых ссор с отцом. И эти воспоминания помогли ему написать одну из его маленьких трагедий «Скупой рыцарь». Мне, во всяком случае, это представляется

вполне вероятным. Таким образом, бытовые факты и эпизоды личной жизни поэта под пером гения, его творческого воображения превратились в литературный шедевр.

Еще ранее, в ноябре 1824 года, словно предрекая появление этого произведения, Жуковский писал в Михайловское своему молодому другу: «Ты богат, у тебя есть неотъемлемое право быть *выше* незаслуженного несчастья и *обратить* (в обоих случаях *разрядка* моя. – **И.К.**) в добро заслуженное; ты более нежели кто-либо можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом».

А значительно позже, в июле 1831 года, Жуковский, ознакомившись с рукописями двух маленьких трагедий, пишет Пушкину: «На «Моцарте» и «Скупом» сделаю некоторые замечания. Кажется, и то и другое можно усилить».

Едва ли не уловил Василий Андреевич в сюжете «Скупого» личностного отношения Пушкина к этой теме. Мы не знаем, какой вариант рукописи отправил Пушкин на ознакомление Жуковскому и воспользовался ли он советами старшего друга. Во всяком случае, перед нами законченное произведение, где каждая из сцен совершенна, а общий строй трагедии гармоничен.

□

Иван КОСТИН –

поэт, прозаик.

Родился в заонежской деревне Хашезеро (1931 г.).

Автор стихотворных сборников «Полет»,

«Озерные песни», «Запах росы», «Заонежье мое» и др.

С 1971 г. – член Союза писателей России.

Кавалер ордена Дружбы.

